

Огарков Василий Васильевич

**Демидовы, их жизнь и
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич О.**
Демидовы, их жизнь и деятельность / Огарков Василий Васильевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 95 с.

ISBN 978-5-521-26033-1

ISBN 978-5-521-26033-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фамилія Демидовыхъ пользуется громкою извѣстностью. Быстрое возвышеніе, громадное богатство, широкая благотворительность и большія услуги, оказанныя представителями этой фамиліи русскому горному дѣлу, а также крайне оригинальные поступки и чудачества нѣкоторыхъ изъ Демидовыхъ—обращали на себя вниманіе не только у насъ, въ Россіи, но и за-границею.

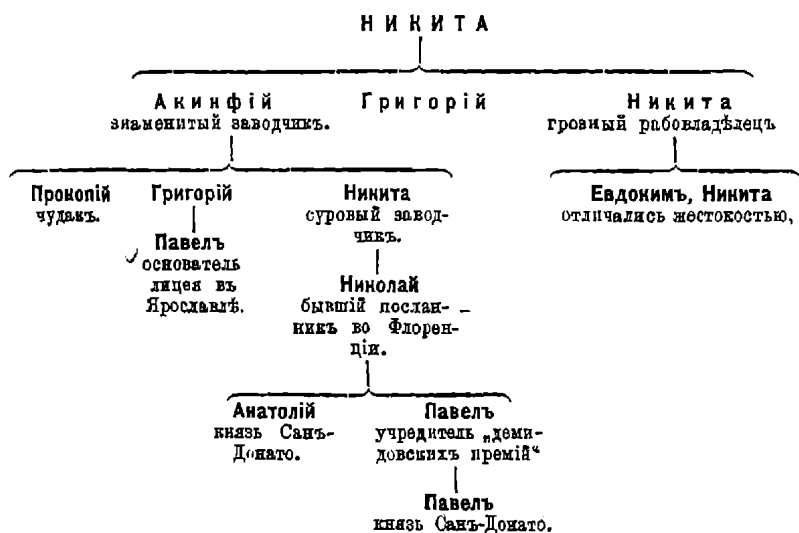
Самыми интересными лицами изъ фамиліи Демидовыхъ являются безспорно ея родоначальники—тульскіе кузнецы Никита и сынъ его Акинфій, дѣятельности которыхъ главнымъ образомъ и посвящается наше изслѣдованіе. Эта дѣятельность, какъ по характеру первыхъ Демидовыхъ, упрочившихъ горное дѣло въ Россіи и основавшихъ много новыхъ производствъ, такъ и по особенностямъ петровской эпохи, представляетъ огромный интересъ. Съ уральскаго періода жизни тульскихъ кузнецовъ, съ которымъ собственно и связана ихъ слава и историческое значеніе, все наше вниманіе приковываетъ выступающая на первый планъ личность старшаго сына Никиты—Акинфія, между тѣмъ какъ два младшихъ сына перваго Демидова не оставили особенныхъ слѣдовъ въ исторіи горнаго дѣла на Руси. Акинфію, распоряжавшемуся веѣмъ отъ своего имени и отъ имени отца, Уралъ и Сибирь обязаны устройствомъ многочисленныхъ заводовъ и рудниковъ, а потомки своими громадными богатствами.

Хотя и другіе представители рода Демидовыхъ могутъ занимать изслѣдователя въ томъ или другомъ отношеніи—какъ основатели заводовъ, какъ господа своихъ крѣпостныхъ, какъ богачи, не знавшіе, куда дѣвать достав-

шею имъ гигантское наслѣдство, или наконецъ какъ „чудаки“,—въ связи съ интересными общественными отношеніями эпохъ, въ которыя имъ приходилось жить и дѣйствовать,—но мы, по самымъ размѣрамъ нашего труда, должны остановиться только на наиболѣе характерныхъ портретахъ изъ галереи потомковъ тульскихъ кузнецовъ, породнившихся, въ лицѣ Анатолія князя Санъ-Донато, съ династією Бонапартовъ.

РОДОСЛОВНАЯ ДЕМИДОВЫХЪ,

О КОТОРЫХЪ УПОМИНАЕТСЯ ВЪ НАШЕМЪ ОЧЕРКѢ.

ГЛАВА I.

Петръ Великій и тульскіе кузнецы.

Петровская эпоха.—Титанъ-царь и бѣдная Русь.—Горное дѣло на Руси до Петра.—Основаніе перваго желѣзнаго завода.—Заботы Петра о горномъ дѣлѣ.—Роль «случайныхъ» людей въ исторіи.—Никита и Акинфій Демидовы.—Дѣтство и воспитаніе ихъ.—Встрѣча съ Петромъ.—Первыя ружья.—Заводъ въ Тулѣ.—Успѣхи Никиты.—Благоволеніе царя.

Немного найдется такихъ интересныхъ эпохъ во всемірной исторіи, какъ петровское время на Руси. Съ одной стороны, титаническая личность Петра, его непреклонная воля, могучая энергія и самые фантастическіе планы обновленія Россіи, съ другой,—эта бѣдная, не-культурная страна, затерявшаяся среди болотъ и топей, измученная татарскимъ гнетомъ, „собираніемъ“ Москвы, эпохою междоцарствія и недавно миновавшею „разинчиною“, — представляли въ своемъ родѣ единственный контрастъ. Для историка-философа, защищающаго классическій принципъ „дѣланія“ исторіи только героями, т. е. лицами, одаренными титаническими свойствами, это время, когда могучая воля царя, казалось, рѣшительно двинула коснѣвшій въ невѣжествѣ народъ на путь европейскаго просвѣщенія, представляетъ великолѣпный аргументъ въ пользу его теоріи. Но и для историка-соціолога, представителя боклевскаго взгляда на исторію, эпоха Петра I дастъ не мало матеріаловъ въ защиту совсѣмъ иного положенія, что въ стихійно вѣками слагавшейся жизни массъ, какъ въ безграничномъ морѣ, можетъ исчезнуть или оставить лишь незначительные слѣды энергія личности, будь эта личность даже гениемъ.

И дѣйствительно, титанъ-царь напрасно будилъ бѣдную и больную страну пинками и дубинкой: въ ней было еще слишкомъ мало силъ для принятія новыхъ вѣяній, она еще не управилась отъ прежнихъ заботъ. И это единственное, кажется, въ міровой исторіи зрѣлище,—насажденіе европейской цивилизаціи въ полудикомъ народѣ, которымъ были тогдашніе русскіе, при помощи пытокъ застѣнка и казней,—не могло, конечно, сопровождаться лишь одними плодотворными результатами. Въ мукахъ петровскаго переворота, выкупавшихъ въ крови стрѣleckихъ казней и безпощадно подавленныхъ бунтовъ, послѣ судорогъ сверхъ-естественныхъ усилій, Русь не обновилась вполне, какъ желалъ того геній Петра, и не набрала столько силъ, чтобъ вѣрнымъ шагомъ идти къ намѣченной преобразователемъ цѣли. Если-же Петръ былъ необходимымъ орудіемъ историческаго процесса и первый рѣшительно приобщилъ Русь къ европейскому просвѣщенію, то, съ другой стороны, по мнѣнію славянофиловъ, тѣ нечеловѣческія усилія, которыя требовались отъ утомленной страны, та регламентація, на-перекоръ вѣками сложившемуся строю, даже мельчайшихъ проявленій общественной и частной жизни на западный ладъ,—регламентація, поддерживаемая угрозами строгихъ наказаній, какъ-бы надорвали силы государства и, можетъ быть, даже, что реформы Петра, требовавшія такой необычайной затраты неокрѣпшихъ народныхъ силъ, сдѣлали то, что, спустя двѣсти лѣтъ послѣ него, мы являемся, попрежнему, отсталымъ народомъ и далеки еще до полнаго осуществленія желаній царя-работника, прорубившаго могучею рукою окно въ Европу. Такъ организмъ, измученный „переутомленіемъ“ и муштровкою въ дѣтствѣ, является въ умственномъ отношеніи мало производительнымъ въ эпоху зрѣлости.

Обширная дѣятельность предстояла Петру при вступленіи на царство. Его изумительной энергіи приходилось разбрасываться и поспѣвать всюду. Пылкій юноша, ставшій потомъ фанатикомъ идеи немедленнаго пересозданія Россіи,

онъ, во время путешествія по Европѣ, знакомится съ хорошими порядками, благоустройствомъ, съ великими произведеніями наукъ и искусствъ, и на своей родинѣ находитъ лишь бѣдность и невѣжество. На необъятномъ пространствѣ своего отечества онъ встрѣчаетъ рѣдко разбросанные города съ деревянными постройками, похожіе на деревни, и бѣдныя села. Болота, лѣса, степи,—не заселенныя, плохо воздѣланныя,—вотъ его родина. Нѣтъ ни школъ, ни памятниковъ искусства, ни хорошаго войска и флота, ни заводовъ и фабрикъ, ни даже хорошихъ ремесленниковъ. И фанатической идеѣ обновленія этого вѣками сложившагося быта и преобразованія его въ благоустроенное государство приносятся гекатомбы человѣческихъ жертвъ, и, во славу будущаго, въ шведской и турецкой войнахъ, при постройкѣ новой столицы у самаго моря, при устройствѣ многочисленныхъ крѣпостей, городовъ и верфей гибнутъ сотни тысячъ „пушечнаго мяса“.

Горное дѣло на Руси было въ такомъ-же печальномъ положеніи, какъ и другія отрасли государственнаго хозяйства, и Петру взкорѣ пришлось почувствовать все неудобства этого. Являясь, по количеству и качеству полезныхъ ископаемыхъ, одною изъ самыхъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ, если не самую богатую, Русь въ то-же время едва-ли не бѣднѣйшее государство по предпріимчивости и пріемамъ для разработки горныхъ богатствъ. И, понятно, при Петрѣ I это несоотвѣтствіе, плохо рекомендуемое культуру страны, являлось еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Первыя свѣдѣнія о горномъ дѣлѣ въ Россіи имѣются изъ эпохи Іоанна III, когда, по свидѣтельству Карамзина, въ бассейнѣ р. Печоры были открыты серебряныя и мѣдныя руды. Затѣмъ въ 1571 году Иванъ Васильевичъ Грозный просилъ шведскаго короля, чтобы тотъ уступилъ ему рудное мѣсторожденіе близъ границы, но чѣмъ кончилось это ходатайство—неизвѣстно. Первый заводъ для выдѣлки желѣза былъ построенъ правительствомъ во время Михаила Ѳеодоровича, въ 1628 году,

въ нынѣшней тобольской губерніи, — Ницынскій. Но конечно слово „заводъ“, — если понимать его въ нынѣшнемъ значеніи, когда подъ этимъ именемъ разумѣютъ громадныя устройства, стоящія сотни тысячъ и даже миллионы, — слишкомъ громко для простой кузницы, которою въ сущности являлся вышеуказанный заводъ и въ которомъ изготовлялось въ небольшихъ количествахъ плохое желѣзо. Подобныя кузницы, но только меньшихъ размѣровъ, издавна впрочемъ были извѣстны въ Россіи; въ нихъ получалось желѣзо прямо изъ желѣзныхъ рудъ, въ небольшихъ особеннаго устройства печахъ. Это, такъ сказать, „кустарное“ производство металла было настолько незначительно, что далеко не удовлетворяло потребностей въ немъ, и до XVI вѣка наша родина въ значительной степени пользовалась привознымъ желѣзомъ.

Болѣе опредѣленные указанія на появленіе у насъ сравнительно большихъ заводскихъ устройствъ, далекихъ однако по своимъ размѣрамъ и средствамъ отъ громадныхъ заводовъ современнаго промышленнаго типа, относятся только къ концу XVII столѣтія. Впрочемъ, какъ „кустарное“ производство, такъ и вновь устроенные заводы обрабатывали только самый прозаическій, но тѣмъ не менѣе самый необходимый металлъ — желѣзо. Что же касается до полученія и обработки болѣе „благородныхъ“ металловъ, то эта область у насъ была въ то время почти невѣдомою. Хотя всевозможныя руды лежали чуть не на поверхности почвы, но недостатокъ предприимчивости, капитала и знанія, а также весь строй тогдашней общественной жизни не позволяли ими пользоваться. Даже Уральская горная цѣпь, протянувшаяся на 700 верстъ въ длину и 150 въ ширину и заключающая въ своихъ нѣдрахъ неисчерпаемыя минеральныя богатства, оставалась дѣвственною до самой середины XVIII столѣтія, когда на Уралѣ былъ построенъ первый чугунно-плавильный и желѣзодѣлательный заводъ — Пыскорскій (1640 г.). Вообще говоря, горное дѣло на Руси

даже при Алексѣѣ Михайловичѣ представляло только попытку или случайный промыселъ и притомъ въ самыхъ бѣдныхъ размѣрахъ. Только уже къ концу XVII вѣка правительство, нуждаясь въ желѣзѣ, построило на Уралѣ еще нѣсколько плохихъ заводовъ.

И въ такомъ младенческомъ состояніи было горное дѣло у насъ въ то время, когда оно за собою имѣло въ Европѣ цѣлыя столѣтія. По-неволѣ приходилось металлы привозить изъ за-границы и даже желѣзо и сталь русскіе чуть не до конца XVIII вѣка не переставали получать изъ Швеціи (свейское желѣзо), что представляло большія неудобства, особенно во время войны съ этимъ государствомъ, когда эти металлы значительно поднимались въ цѣнѣ и провозъ ихъ чрезъ границу затруднялся.

Петръ I, въ своей борьбѣ со Швеціей, испытывалъ большой недостатокъ въ металахъ: извѣстно, что онъ переливалъ даже церковные колокола на пушки, чѣмъ не мало способствовалъ утвержденію за собой въ народѣ названія „антихриста“. Царь по-неволѣ долженъ былъ обратить вниманіе на горное дѣло, получившее для него такую большую важность. Пришлось конечно и здѣсь обратиться къ Европѣ. Не рассчитывая на доморощенные знанія и предприимчивость, Петръ выписалъ изъ за-границы „рудознатныхъ“ мастеровъ и специалистовъ по горнозаводскому дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Геннингъ—основатель заводскаго дѣла въ олонекскомъ краѣ, работавшій и на Уралѣ,—человѣкъ большой энергіи и знанія.

Но „случайная“ встрѣча Петра съ Демидовымъ поставила вопросъ о горномъ дѣлѣ на иную почву: она дала толчекъ частной предприимчивости и послужила причиною къ основанію и развитію,—правда, на счетъ государства и путемъ большихъ жертвъ,—многихъ заводовъ въ Россіи.

„Случайныя“ встрѣчи и „случайныя“ люди играли большую роль въ р^усской исторіи, какъ впрочемъ и въ исторіи другихъ на культурныхъ народовъ. Извѣстно,

что и при Петрѣ I были эти „случайные“ люди: „безродный баловень счастья“, могущественный князь Меншиковъ, человѣкъ корыстолюбивый и жестокій, но громадныхъ способностей, былъ, какъ извѣстно, возвышенъ изъ пирожниковъ; Шафировъ и нѣкоторые другіе сподвижники царя были людьми низкаго званія. Но между „случайными людьми“ при Петрѣ I и такими-же, напримѣръ, въ царствованіе Екатерины II—была существенная разница. Между тѣмъ какъ петровскіе любимцы рѣдко не оправдывали своими способностями довѣрія царя и, въ случаѣ проступковъ, многіе изъ нихъ получали суровое возмездіе,—при Екатеринѣ II въ вершители судебъ государства попадали люди совершенно ничтожныя въ умственномъ отношеніи, и послабленія государыни дѣлали ихъ безнравственные качества особенно вредными государству.

Таковыми „случайными“ способными людьми при Петрѣ были и оказавшіе громадныя услуги горному дѣлу въ Россіи два тульскихъ кузнеца, Никита и сынъ его Акинфій Антуфьевы — родоначальники знаменитой горнозаводской „династіи“ Демидовыхъ, близкіе потомки которыхъ были извѣстны всей Европѣ по своему громадному богатству, мотовству и чудачествамъ. Правнукъ тульского кузнеца Акинфія, „великолѣпный“ князь Санъ-Донато, Анатолій, былъ женатъ на родной племянницѣ Наполеона I графинѣ Матильдѣ-де-Монфоръ. Исторія Демидовыхъ, начинающаяся грубымъ кузнецомъ, работавшимъ у хозяина за алтынъ въ недѣлю, и кончающаяся князьями Санъ-Донато, обладателями миллионныхъ доходовъ, собственниками неопѣнимыхъ коллекцій художественныхъ предметовъ и владѣльцами роскошнаго помѣстья Медичисовъ-Праголино, — могла-бы быть интереснымъ сюжетомъ для какой-нибудь романтической легенды или фантастической сказки.

О дѣтствѣ Никиты (родился въ 1656 г.) и Акинфія (родился въ 1678 г.) Демидовыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній: исторія застаётъ ихъ уже взрослыми людьми.

Мы знаемъ только, что отецъ Никиты, Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ, былъ крестьянинъ деревни Павшиной, около Тулы, и переселился въ городъ для занятія кузнечною работою; извѣстно еще, что Никита остался малолѣтнимъ послѣ отца и очень любилъ свою старую мать, которой, по разсказу Бантыша-Каменскаго, послалъ первые 5 алтынъ, заработанные въ Тулѣ,—за то, что „поила и кормила его“. Но мы можемъ предполагать, что дѣтство будущихъ богачей прошло въ суровыхъ лишеніяхъ и тяжеломъ трудѣ, такъ какъ только при подобныхъ обстоятельствахъ могли выработаться такой могучій характеръ и та энергія въ преслѣдованіи развѣнчанной цѣли, какіе мы встрѣчаемъ у Акинфія.

Въ ту эпоху, когда начали свою дѣятельность первые Демидовы, ни въ общественную жизнь, ни въ рѣдкія на ту пору на Руси школы не проникали тѣ начала гуманности, которыя составляютъ достояніе послѣдняго времени и осуществляются вполнѣ, можетъ быть, только въ далекомъ будущемъ. Это былъ вѣкъ жестокихъ нравовъ, суровыхъ характеровъ и беспощаднаго отношенія къ тѣмъ, кто считался виновнымъ и не могъ спастись „протекціею“. Самымъ яркимъ воплощеніемъ этихъ свойствъ эпохи является величаво-ужасная въ своихъ проявленіяхъ личность Петра. Многочисленные процессы по „слову и дѣлу“ показываютъ, до чего тогда мало цѣнилась жизнь человѣка и какими средствами каралась его „злая воля“. И намъ теперь кажутся даже невѣроятными эти случаи, когда люди, зная, что ихъ ждетъ, и какъ-бы презирая физическія страданія, все-таки кричали страшное „слово и дѣло“. Застѣнки лютаго преображенскаго приказа, гдѣ дѣйствовали такіе люди, какъ князь Ромодановскій и впослѣдствіи Андрей Ивановичъ Ушаковъ,—были слишкомъ плохою школою для развитія гуманнхъ чувствъ. Понятно, что и первые Демидовы были плотью отъ плоти и костью отъ костей тогдашняго общества. По крайней мѣрѣ, какъ мы увидимъ

впослѣдствіи, такими рисуютъ ихъ имѣющіеся у насъ данныя.

Быль-ли грамотенъ Никита Демидовъ—на этотъ счетъ не имѣется точныхъ указаній: при дачѣ свѣдѣній о количествѣ имѣющагося у него желѣза извѣстному Василию Никитичу Татищеву и въ другихъ случаяхъ, онъ приказывалъ росписываться за себя своимъ приказчикамъ и сыну Акинфію. Существуютъ однако указанія и на то, что онъ могъ, съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать. Что-же касается Акинфія, то онъ получилъ все то образованіе, которое могла ему дать тульская школа того времени: онъ умѣлъ читать и писать по-церковному, и долго у него еще и впослѣдствіи, когда демидовскіе заводы производили уже продуктовъ ежегодно на сотни тысячъ рублей,—сумма громадная для того времени,—всѣ записи въ торговыхъ и заводскихъ книгахъ велись церковно-славянскими литерами. Не забудемъ впрочемъ того, что грамота составляла удѣлъ немногихъ въ тогдашней Руси: даже знаменитые члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ это видно изъ подлинныхъ документовъ, съ трудомъ выводили неуклюжими буквами свои подписи на бумагахъ. Если и плохо было образованіе первыхъ Демидовыхъ, какъ и большинства обитателей Россіи въ то время, зато у нихъ была та природная смѣтливость, которою отличаются многіе русскіе люди, способность къ труду, энергія и техническая сноровка, прибрѣтенная личною работою въ мастерскихъ.

Относительно того, какимъ образомъ Никита сдѣлался извѣстенъ Петру, существуетъ нѣсколько разсказовъ. По одному изъ нихъ, наиболѣе достовѣрному, Никита, во время проѣзда черезъ Тулу какого-то изъ петровскихъ вельможъ (вѣроятно, Шафирова), не только исправилъ путешественнику испортившійся пистолетъ знаменитаго оружейника Кухенрейтера, но и сдѣлалъ другой по тому-же образцу, нисколько не уступавшій оригиналу. Шафировъ тогда-же обратилъ вниманіе царя